

Вениамин СЛЕПКОВ*г. Петрозаводск*

О времени и о стране

Спустя девять лет после выхода романа «Колдун здесь», новаторского для карельской литературы, Татьяна Мешко выпустила новый роман – «Железный фарфор» – в котором продолжает освоение необычного для нас художественного метода, сплетая в тексте реальное и ирреальное.

Профессор Евгений Неелов характеризовал мир романа «Колдун здесь» как «сказочно-фантастический и реальный одновременно. Автор предпринял смелый художественный эксперимент, попробовав соединить несоединимое: жанр сказки, точнее фэнтези, и жестокое реалистическое (даже порой натуралистическое) бытописание». Говоря о втором романе, Е. Неелов также отметил, что роман многопланов, и назвал эти планы: фантастический, социально-психологический и философский.

На презентации «Железного фарфора» наш известный мыслитель, публицист Роберт Коломайнен предложил свои определения: «постреализм» и «метареализм».

Все названные определения имеют право на существование, даже при том, что Е. Неелов находит истоки такого рода произведений, а Р. Коломайнен говорит о новейших жанрах, идущих на смену реализму. Попытки синтеза реального

и ирреального в литературе известны достаточно давно. Можно привести немало примеров из литературы русской (В. Одоевский, Н. Гоголь, etc.). В советское время это прежде всего «Мастер и Маргарита», а далее – более близкие нам по времени авторы (В. Орлов, Н. Евдокимов и другие). Можно искать точки соприкосновения с жанром, получившим название «социальная фантастика» (О. Тарутин и другие). Однако все это близко и все – не то.

В книгах прежнего времени реальность могла сочетаться со сказкой, именно – со сказкой. Для читателя изначально не были секретом заданные условия, а значит, речь не шла о метафизическом плане, о первоначальной природе бытия. Нередко фантастическое давало возможность автору рисовать сатирические картины. Особенно это использование фантастического и тем более мистического характерно для литературы советского периода, для времени, когда безраздельно царствовал социалистический реализм. Использование фантастических допущений оправдывалось несколько ироничным стилем, опять же дававшим четкий сигнал читателю – перед вами сказка.

Вряд ли можно отнести романы Татьяны Мешко и к жанру фэнтези. Как правило, в романах

фэнтези действие происходит в сказочных условиях, большинство персонажей – сказочные герои. Фэнтези, по сути, это современная литературная сказка.

Романы Татьяны Мешко сказочными не назовешь, фантастический элемент настолько органично сплавляется с реальностью, что перестает восприниматься как фантастический. На мой взгляд, такого органичного сочетания достигали латиноамериканские авторы, чьи книги получили мировое признание, а выработанный ими художественный метод получил название магического реализма. Татьяна Мешко демонстрирует более широкий взгляд на мир, обнимающий видимое и невидимое, то реальное, что можно осязать, и то необъяснимое, что можно лишь почувствовать.

И не удивительно, что магический реализм стал встречаться в книгах российских авторов все чаще. То, что произошло за последние четверть века с нашей страной, требует объяснения. Но объяснение достаточно трудно найти, опираясь лишь на реальные представления. Слишком уж резки и кардинальны перемены, приведшие к разрушению привычной жизни. Изменилось все – от политического устройства и экономической системы до внутреннего мира человека, системы ценностей, самих основ, на которых были воспитаны люди, начинавшие жизнь в Советском Союзе и вынужденные стать эмигрантами без права возвращения в стране, которая имеет мало общего с родиной.

Причин – прямых и косвенных – обращения авторов к магическому реализму можно насчитать немало. Одна из них – необходимость объяснить перемены. Другая – возможность отказаться от правил, на которых воспитывались литература и литераторы. Действие всегда вызывает противодействие. Если в советские годы мистическое всячески изгонялось из литературы и жизни, то в постсоветское время, напротив, преобладает. Много ли найдется сейчас литературных героев, не пытающихся, хотя бы в крайних ситуациях, найти поддержку в Боге, в религии, в мистике или оккультизме – в чем угодно, выходящем за рамки реальности?

Еще одна причина в том, что явления, прежде отменявшиеся наукой, вдруг получают научное обоснование. О материальности мысли, об ауре и биополе не говорит сейчас только ленивый. А это значит, как минимум, что многие другие тео-

рии, касающиеся устройства мира, не могут быть со стопроцентной уверенностью объявленными не имеющими права на существование.

Наконец, вечные вопросы о смысле жизни, о смысле бытия по-прежнему не дают покоя человечеству. Ответы, даваемые марксистско-ленинской философией, базирующейся на материалистической основе, перестали удовлетворять людей, и потому требуется иное объяснение. Объяснения, предлагаемые традиционными религиями, также часто не удовлетворяют современного человека. Поиски причин этого должны быть и являются темой совершенно иных исследований, здесь мы ограничимся лишь констатацией факта. И вот мы видим расцвет различных оккультных, метафизических, эзотерических учений, то опирающихся на идеологию древних культов, то создаваемых практически с нуля.

Разумеется, все эти поиски находят отражение в литературе.

Каким образом Татьяна Мешко сплетает воедино план реальный и план метафизический? Для этого в распоряжении автора, прекрасно владеющего словом и мастерски создающего нужную атмосферу, много средств.

Вот, например, одно из них – это изображение взаимосвязи людей, осуществляемой и в материальном, и в духовном мире. Когда героиня романа не знает, в какую сторону ей двигаться (в буквальном смысле), на помощь приходит еще не рожденный младенец: «Ребенок словно подслушал тревоги мамы и сильно ударил в бок – в этот день ребенок так сильно бился о живот, словно решил выпрыгнуть наружу и покатиться вперед мамы вроде клубка из старых, мудрых сказок, чтобы указать верную дорогу». Есть примеры и того, как мертвые приходят на помощь живым, будь это мама героини романа Кати Непомнящей или старушка Василиса Митрофановна, удерживающая профессора Морфинского от рокового шага. «Профессор Морфинский в одночасье решил: сегодня без чекушки никак нельзя, купить чекушку, зубами отодрать пробку и вылить в себя <...> Семен Андреевич метнулся было из комнаты, но что-то схватило его за щиколотку, цепко и твердо. Он дернул ногой – нога застряла, словно попала в капкан для крупного зверя... не капкан, скрюченная ладонь Василисы Митрофановны держала его за щиколотку... Василиса, даже мертвая, хотела удержать его на краю пропасти».

С большим интересом отслеживается еще один прием сращивания реальности и ирреальности – одушевление вещей. Использование этого приема позволяет Татьяне Мешко не только играть читательским воображением, создавая таинственную атмосферу книги, но и давать зримые описания, позволяющие представить условия, в которых происходят события. «В этот сумрачный час дом увиделся особенно уродливым и злобным. Показалось, что здание согнуло в коленях мускулистые, сосновые лапы, что вот-вот начнутся предродовые схватки и на свет Божий выпрыгнет или свежее бревно, или сам купец Морозов», «Здание... смотрело угрюмо, окна враждовали друг с другом», «Сундук почуял Катю Непомнящую, как чует рыбак рыбака, и подал знак – внутри него что-то зацарапалось...», «Ослепшая от лунного света лампа звенела комариной песенкой», «Комната хохотала от ярких лучей, как от щекотки». Можно долго приводить цитаты, таких ярких метафор в романе множество.

Единая сущность мира проявляется не только в одушевлении вещей, но и в обратном процессе: «Кате очень хотелось превратиться в стальную пружинку...»

Той же цели создания метафизического пространства служат многие описания, показывающие взаимосвязь предметов и явлений. Когда звучат пророческие слова, за ними наступает тишина, а затем звуки, которые обычно не замечаются: падает капля, скрипит дощечка, взлетает муха, сдвигается стрелка часов... Шаман обращается к духам, и сшибаются рогами олени, падает с верхушки скалы галька, лисица хрустнула веткой, чайка закружила над озером... Мы видим, как происходит нечто и вызывает за собой множество событий, которые в обычной жизни могут быть не связаны друг с другом, но на самом деле на том плане бытия, который уловим нечеловеческим глазом, а может быть, только странными неясными ощущениями, их связь несомненна.

Наконец, в романе, как в сказке, животные повинуются некоему импульсу (волчица согревает замерзающего ребенка) и служат замыслам той высшей силы, проявления которой столь очевидны, сколь непризнаваемы. И люди, герои романа, будто не сами принимают решения, их что-то подхватывает, несет, понуждает...

Все эти приемы органично воспринимаются в

«Железном фарфоре» благодаря умению Татьяны Мешко найти нужные слова, выстроить текст так, что сказанное в нем воспринимается как реальность. Автор в ряде эпизодов приоткрывает свой подход к работе над языком романа, над словом: «Катя не помнила... термина «летаргический сон», но это слово показалось нехорошим: Катя не любила, когда сливаются согласные «р» и «г», от таких встреч веяло чем-то острым, ржавым, колючим и безжалостным», «...название станции было какое-то рыбе: Лабитнанги. Катя играла с этим словом, представляя блестящих, радужных рыбин...»

Кстати, умение Татьяны Мешко работать со словом проявляется и в метких характеристиках. Вот, например, описание всего в двух словах дает портрет человека: «... Срочные послания... приносила секретарша, вылитая пудреница, и в кабинете... несколько секунд витал земляничный запах дешевой косметики...»

Мистика затягивает читателя, но, в данном случае, хочется разобратся, зачем автору создавать произведение, где метафизика играет такую большую, основную роль. На мой взгляд, Татьяна Мешко обращается именно к этому жанру, чтобы объяснить (себе? читателю?) все, что происходило с нашей страной. В немалой степени роман можно рассматривать как взгляд целого поколения россиян, разочарованных в своих ожиданиях. На презентации романа один из карельских писателей прямо сказал, что не приемлет взгляд автора на советское прошлое. И его можно понять. Мы становимся старше, уходящие годы покрываются дымкой ностальгических воспоминаний. Таково свойство человеческой памяти – не помнить плохого, поскольку негативные воспоминания могут разесть душу, разрушить личность и жизнь. И потому мы инстинктивно от них избавляемся. Но Татьяна Мешко заставляет вспомнить все самое плохое, бросить негативный взгляд на прошлое. Негатива полны описания людей и явлений. Даже у положительных героев, вызывающих симпатию, сочувствие читателя, автор находит нечто отвращающее. Так, у героя «бульдожьей щеки», у героини – «жирные косы». Такие описания не назовешь случайностью, зная, как трепетно работает автор со словом.

Что уж говорить о многочисленных описаниях общностей людей! Дети в детдоме, повинуюсь

движениям указки директора, как волшебной палочке злой колдуньи, превращаются в механических кукол. Пассажиры поезда, наполненного запахом грязных носков, колбасы и влажного постельного белья, испытывают «друг к другу раздражение и подозрительность». Описание вокзала: «пустые скамейки, заплеванный пол, наглухо закрытый буфет», а за шторками кассы матерятся женщины. Героиня отличается от «советских людей, от этой тусклой массы, с устремленными в никуда взглядами и плотно сжатыми ртами». Действие происходит в стране Советов, где «все люди серые, у людей серые не только лица, но и души». Отвратительные картины видятся и в прошлом («...члены комиссии... будто созерцали убогую царскую Россию с ее неизлечимыми, как врожденное родимое пятно, бездорожьем, трактирами...»), и в настоящее, постсоветское время (... «ворюги и бандиты ворочают миллионами, а простые смертные, уже не с серыми лицами и душами, а окрашенные в нездоровый румянец, равнодушно выброшены на свалку»).

Многие из нас испытали глубочайшее разочарование, увидев, как обещания и надежды, появившиеся в перестроечные годы, обернулись падением нравственности и культуры, уничтожением социальных отношений и производства. В таких условиях невольно бросаешь ностальгические взгляды в прошлое. Но Татьяна Мешко, знакомая с репрессиями на примерах своей семьи, и в прошлом не видит очарования. И где же в таком случае искать опору, смысл существования, как не в ирреальном?

В прошлом тоже видится насилие, сплошное насилие, где красота фарфора может быть спасена, только если фарфор – железный. Конечно, невозможно воспринимать мир только в черном цвете. Татьяна Мешко предлагает поразмышлять о времени. Не случайно роману предпосланы два эпиграфа. Это слова Софокла: «Время открывает все сокрытое и скрывает все ясное» и слова К.Ф. Циолковского: «Время, возможно, существует, однако мы не знаем, где его искать». Есть множество теорий, описывающих понятие времени, но единой теории нет. Для Татьяны Мешко время – это четвертое измерение. И если в трех измерениях мы можем двигаться в разных направлениях, то автор допускает, что и в четвертом измерении действуют те же законы. И это значит, что возможно не одно-

линейное движение от прошлого к будущему через настоящее, но и обратное движение. Точнее, некто способен забрасывать в настоящее что-либо (кого-либо), что сможет изменить ход событий, вернувшись из будущего в прошлое.

С другой стороны, может, не так важно исправление произошедших событий – об этом можно только помечтать. На последних страницах книги получает объяснение композиция романа, когда читатель мог сочувствовать героям, еще не зная, что это просто призраки, что Кате Непомнящей с ее несчастьями не будет места в новой реальности.

В романе есть строки: «...ребенок появился... для постижения непостижимого – Времени». И еще: «Время выработало свой план, и простым смертным этот план не по карману: его нельзя постичь». Может быть, для нас важнее не исправлять прошлое, а попытаться осознать неосознаваемое, принять жизнь такой, какая она есть, со всеми печальными и трагическими событиями, и таким образом примирить себя с миром.

Уверен, что роман Татьяны Мешко не оставит читателя равнодушным, вызовет немало споров и эмоциональных откликов и станет ярким явлением в современной литературе Карелии.

Татьяна Мешко.

Железный фарфор: роман.
Петрозаводск, «Verso», 2013.